

ЗАПРЕТ ЦЕНЗУРЫ И ЗАЩИТА ПРИНЦИПА СВОБОДЫ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

© 2007 А.Г. Рухтер

Московский государственный университет

Свободная массовая информация является одной из основ развитого общества, она выражает т. н. общечеловеческие ценности, помогает раскрыть потенциал личности, является основой духовной жизни общества и инструментом укрепления идентичности государства. В сфере политики без свободы массовой информации не могут развиваться политические партии и иные общественные объединения. Со свободой массовой информации неразрывно связан ряд политических прав, в том числе право на участие в выборах, на проведение митингов и шествий и т. д. Свобода массовой информации способствует поиску эффективных путей реализации национальной политики, формирует стабильные условия для создания и упрочения демократии и правового государства. По мнению И. И. Засурского, "...во многом именно от СМИ и общественного мнения зависит судьба России как демократического правового государства. Основой гражданского общества является разрешение общественных конфликтов с помощью открытых правовых процедур. Именно СМИ сегодня обеспечивают (или не обеспечивают?) открытый характер этих процедур" [3, 7]. В свою очередь, свобода массовой информации является краеугольным камнем основ журналистики в современном обществе.

Информационное общество, к которому в духе экономической и политической глобализации стремятся государства постсоветского пространства, подразумевает высокий уровень развития как средств массовой информации, так и их сопряженности с мировыми открытыми сетями. Вместе с тем информационное пространство должно быть открытым для общества и обеспечивать реализацию интересов граждан [6, 5. См. тж. 4, 61-74]. Антонимом свободы массовой информации некоторые исследователи называют цензуру. И хотя, как отмечалось там же, для достижения свободы массовой информации отмены цензуры мало, необходима свободная реали-

зация всех гражданских и социальных прав и свобод, проблема запрета цензуры не потеряла своей актуальности на постсоветском пространстве. В качестве доказательства можно упомянуть многочисленные оценки ситуации на Украине, далеко не худшей на постсоветском пространстве. Участники парламентских слушаний, состоявшихся как в апреле 1997 года, так и в декабре 2002 года, пришли к общему мнению, что цензура (открытая и скрытая) в украинских СМИ существует [14, 4. См. тж. 13, 3-17].

Запрет цензуры. В постсоветских странах запрет государственной цензуры предстает главным элементом обеспечения свободы производства и распространения массовой информации. Причиной этого является постулат о несовместимости приснопамятной цензуры — олицетворения партийно-государственного контроля над СМИ в СССР — с демократическими институтами современного западного общества, к которому стремятся постсоветские государства. Впервые появившись в законе СССР "О печати и других средствах массовой информации", запрет цензуры перешёл во все без исключения национальные законы о средствах массовой информации. По мере принятия конституций новых независимых государств он стал нормой основных законов в тринадцати из пятнадцати исследуемых стран: Латвии (конституция 1922-1994 гг.), Литвы (1992 г.), Эстонии (1992 г.), Узбекистана (1992 г.), Киргизии (1993 г.), России (1993 г.), Молдавии (1994 г.), Белоруссии (1994 г.), Таджикистана (1994 г.), Грузии (1995 г.), Казахстана (1995 г.), Азербайджана (1995 г.), Украины (1996 г.)¹.

Между тем постсоветская история журналистики исследуемых государств даёт примеры ис-

¹ Две оставшиеся страны — Армения и Туркменистан однозначно запрещают цензуру, но только не в конституции, а в своих законах о СМИ.

пользования механизма предварительных ограничений, которые могут быть подвергнуты сомнению на основании того, что в них отсутствует серьезная конституционная или законодательная основа. Отсутствие такой основы не помешало существованию органов “военной” цензуры в Азербайджане до 1998 года.

Еще более продолжительной была практика официальной цензуры, осуществляемой с советских времен в Узбекистане Главной инспекцией по охране государственных тайн в печати (т. н. УзЛит) при Государственном комитете по печати (Госкомпечати). Его инспекторы работали в редакциях и вмешивались во все вопросы профессиональной деятельности вплоть до редактирования сводок погоды и выбора типа шрифта. Только в мае 2002 года инспекторы были отозваны из редакций, а сам УзЛит был преобразован в группу экспертов. В свою очередь, Госкомпечати — указом Президента страны от 3 июля 2002 года — был реформирован в Узбекское агентство по печати и информации (УзАПИ). При этом в самом президентском указе косвенно признавалось существовавшая практика осуществления цензуры со стороны преобразуемого комитета: “Узбекскому агентству по печати и информации категорически запрещается осуществлять цензуру, редактирование, запреты и иные формы незаконного вмешательства в деятельность средств массовой информации”². Тем не менее, в 2006 году правительством была установлена схожая с цензурой практика представления каждым печатным средством массовой информации Узбекистана ежемесячного отчета и “творческих планов на ближайшую перспективу” в УзАПИ.

Одно из исследуемых государств — Туркменистан и по сей день сохраняет официальную цензуру, хотя в статье 1 национального Закона “О печати и других средствах массовой информации...” ясно говорится, что “цензура массовой информации не допускается”. Заметим, что Туркменистан остается государством — участником Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), он также ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах ООН. В статье 19 Международного пакта говорится, что “каждый имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений”, а ограничения в реализации этого права допускаются только тогда, когда они “предусмотрены законом” и “необходимы” для обеспечения опреде-

ленных интересов, включая государственную безопасность и общественный порядок. Туркменская система цензуры, осуществляемая Комитетом по охране государственной тайны, возможно, и служит интересам сохранения общественного порядка, но явно не имеет законодательной базы, по крайней мере, такой орган не упоминается ни в Законе “О СМИ”, ни в Законе “О защите государственных секретов”. Применительно к ситуации в Туркмении под цензурой следует понимать всю государственную машину, сознательно нацеленную на контроль над свободой массовой информации. В этом контексте следует рассматривать и вменение в обязанности журналиста соблюдать лояльность Туркменбаши (пожизненному Президенту Туркмении), которая введена через понятие “программы деятельности” средства массовой информации в Закон “О СМИ”. Согласно статье 32 этого Закона, журналист обязан осуществлять программу деятельности средства массовой информации, с которым он состоит в трудовых отношениях, и руководствоваться редакционным уставом. Эта программа утверждается учредителем, но поскольку учредителем всех действующих на территории Туркменистана средств массовой информации в той или иной форме является государство, то требование осуществлять политику учредителя означает обязательную лояльность интересам Президента страны.

Отсутствие органов цензуры не мешает властям вводить запретные для освещения в СМИ темы. В Таджикистане табу считается обсуждать темы работы государственной безопасности, наркоторговли, суицида, пограничных споров, олигархов и др. [15, 256].

Неофициально в Узбекистане современным органом квази-цензуры — пресс-службой Президента — запрещено упоминать и обсуждать некоторые явления, например из советского прошлого: СССР, Узбекская ССР, социализм, комсомол, пионерия, и т. п. Сообщается и о запретах местных органов власти распространять информацию о, например, ходе заготовок хлопка-сырца³. Наконец, Министерство обороны Узбекистана ввело в августе 2004 года официальную цензуру на все публикации, касающиеся армейской тематики, разослав главным редакторам практически всех республиканских газет официальное уведомление о введении системы согласования с пресс-службой и Отделом по охране тайн в печа-

² Источник: <http://www.press-service.uz/rus/documents/uk07032002a.htm>.

³ Международный Фонд защиты свободы слова “Адил соз”. *Мониторинг нарушений свободы слова в Узбекистане в сентябре 2005 года*. Источник: Сообщение Центра экстремальной журналистики Союза журналистов России от 21.10.2005г. (www.cjes.ru).

ти Министерства обороны *всех* материалов, посвященных армейской тематике⁴.

Хотя другие страны на постсоветском пространстве не имеют своих систем официальной административной цензуры, их законы допускают обстоятельства, при которых журналистам может быть предписано воздержаться от распространения тех или иных материалов.

Конституции обычно допускают ограничения в осуществлении права на свободу массовой информации в течение ограниченного периода времени при введении чрезвычайного положения или военного положения. Например, в России ст. 56 Конституции позволяет в условиях чрезвычайного положения и — по аналогии — военного положения устанавливать в целях безопасности граждан и защиты конституционного строя отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия. Такие ограничения предусмотрены федеральными конституционными законами “О чрезвычайном положении” (2001) и “О военном положении” (2002) и могут распространяться на свободу мысли, слова и массовой информации. В соответствии с последним, возможно установление контроля за работой средств массовой информации. Вместе с тем, по российской Конституции ограничению не подлежит ряд других прав: на жизнь, достоинство, неприкосновенность частной жизни, нераспространение информации о частной жизни без согласия лица, свободу совести и вероисповедания, а также комплекс гарантий, обеспечивающих эффективную судебную защиту нарушенных прав.

В ряде конституций других государств устанавливается запрет на ограничение свободы мысли и выражения мнений и убеждений в условиях чрезвычайного положения (Азербайджан, Эстония). В подобных случаях речь, по-видимому, идет о невозможности ограничения личных прав человека и гражданина на самостоятельное формирование своих мировоззренческих установок и убеждений, включая моральные, духовные и религиозные, а не о свободе их выражения, в том числе через средства массовой информации.

Конституционный запрет на осуществление цензуры не является застывшим понятием и развивается в законодательстве о СМИ и правоприменительной практике. При этом происходит расширение этого понятия по мере демократизации политической системы. На Украине Закон о прессе (1992) не допускает “требование пред-

варительного согласования сообщений и материалов, распространяемых печатными средствами массовой информации, а также запрещение распространения сообщений и материалов со стороны должностных лиц государственных органов, предприятий, учреждений, организаций или объединений граждан, кроме случаев, когда должностное лицо является автором распространяемой информации или давшим интервью” (ст. 2). При этом статья 6 равнозначному ему Закона Украины о телевидении и радиовещании (1993), которая также запрещает цензуру, понимала под ней лишь “контроль над идеологическим содержанием передач”, позволяя контролировать содержание “информации, охраняемой законом”. Данное положение нельзя не признать двусмысленным. Оно могло толковаться как запрет на предварительную цензуру с разрешением государственным органам осуществлять контроль за информацией, охраняемой законом (например, сведениями, составляющими государственную тайну) в уже вышедших в эфир программах. Но это положение может толковаться и как разрешающее предварительную цензуру, но только не по идеологическим, а по другим (политическим, экономическим и т. п.) мотивам. На практике, конечно, специальные цензурные органы на Украине не создавались, а в 2006 году определение цензуры было вовсе исключено при принятии новой редакции Закона о телевидении и радиовещании — в нем остался лишь запрет цензуры.

Отсутствие формулировки в законе о теле- радиовещании предполагает необходимость использования определения общего по отношению к нему закона — “Об информации”. Тем более что в 2003 году этот закон был дополнен весьма широким определением цензуры. Здесь цензура охарактеризована как “требование, адресованное средству массовой информации, журналисту, главному редактору, организации, выпускающей средство массовой информации, его учредителю (соучредителю), издателю, распространителю, предварительно согласовывать распространяемую информацию (кроме случаев, когда такое требование поступает от автора указанной информации или иного субъекта авторского права и (или) смежных прав на нее), и (или) как наложение запрета (кроме случаев, когда такой запрет налагается судом) или воспрепятствование в любой иной форме тиражированию или распространению информации со стороны органов государственной власти или органов местного самоуправления, их должностных лиц”.

Такое широкое определение цензуры позволяет говорить о достаточно надежной гарантии защищенности от одного из самых опасных ви-

⁴ Джалилов Т. *Минобороны на страже секретов родины*. Сообщение Центра экстремальной журналистики Союза журналистов России от 04.08.2004 г. (www.cjes.ru).

дов нарушения свободы массовой информации. Схожим, хотя и более кратким представляется определение цензуры, которое содержится в статье 3 Закона РФ о СМИ: любое требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей.

Эти правовые нормы не помешали формированию тенденции в украинских и российских судах накладывать судебный запрет на распространение информации, которая считается клеветнической. Не вполне обоснованным с точки зрения конституционных стандартов свободы слова представляется расширение полномочий органов, осуществляющих контроль над соблюдением избирательного законодательства, по приостановлению деятельности СМИ, не соблюдающих правила проведения избирательных кампаний. Речь может идти и о полномочиях органов прокуратуры приостанавливать деятельность СМИ в случае усмотрения нарушения законодательства о предотвращении экстремистской деятельности (в России, Молдавии и Киргизии). Даже в том случае, когда действия таких органов должны сопровождаться получением соответствующего разрешения суда, появление новых контрольных инстанций и механизмов не может не осложнять реализацию свободы массовой информации.

“Мягкая цензура”. Несмотря на законодательный запрет цензуры и отсутствие государственных органов, полномочиями которых являлось предварительное согласование материалов, распространяемых в СМИ, можно говорить о наличии в журналистике многих из исследуемых государств различных форм государственного давления на редакции и журналистов или т. н. “мягкой цензуры”.

При этом используемые приемы можно классифицировать по восьми условным группам:

1. *Неформальное распространение рекомендаций редакциям СМИ государственными органами.* Здесь нельзя не упомянуть о практике указаний “сверху” для государственных — а иногда и частных — средств массовой информации о том, как освещать текущие события.

Наибольшую известность такая практика обрела на Украине. Речь идет о т. н. “темниках” — регулярных указаниях из управления информационной политики Администрации Президента в 2001–2004 гг. “Темники” в основном были

предназначены для вещателей, хотя, по имеющимся данным, печатным органам также приходилось работать по подобной указке. “Темники” имели название “Дополнительный комментарий к событиям недели для служебного пользования” и содержали “просьбы” акцентировать или не акцентировать внимание на тех или иных новостях, широко освещать или не освещать вовсе те или иные события предстоящей недели. Игнорирование просьб Администрации могло “привести к неприятностям в виде проверок налоговыми органами, судебных исков (просто чтобы попутать), отзыва лицензий и других мер” [9, 38]. Факт распространения “темников” был осужден в Рекомендации 1589 Парламентской ассамблеи Совета Европы, и подобная практика прекратилась с приходом к власти Президента В. Ющенко в январе 2005 года. Но и после этого, по утверждению Н. Томенко, вице-премьера правительства в январе–сентябре 2005 года, из аппарата Президента ежедневно по несколько десятков раз звонят в новостную службу Первого Национального телеканала, чтобы подсказать, как освещать события.

К этому же виду неформальной цензуры, очевидно, следует отнести и “дружеское давление”, просьбы политиков к журналистам воздержаться от публикации тех или иных сообщений, либо, напротив, уделить внимание тем или иным вопросам под определенным углом зрения. По мнению известного российского журналиста Виталия Третьякова, “дружеская цензура — это самый сильный вид существующей сейчас цензуры, помимо тех случаев, когда речь идет о прямых угрозах журналисту”⁵.

2. *Отказ государственных или контролируемых государством организаций инфраструктуры СМИ в предоставлении услуг независимым или оппозиционным редакциям.* Примером может служить отказ почтовых и иных ведомств распространять по подписке и в розницу издания, несмотря на ранее заключенные договоры. В Белоруссии, например, первой от такой формы “мягкой цензуры” пострадала некогда ежедневная “Белорусская деловая газета” (сейчас выходит раз в неделю). Последние два-три года она распространяется через магазины, бабушек-распространителей и, организовав подписку прямо в редакции, в конвертах под видом писем. За ней последовали “Народная Воля”, профсоюзный еженедельник “Салідарнасць”, “Наша Ніва”.

⁵ Третьяков В. Т. Как стать знаменитым журналистом. — М., 2004. С. 70. См. тж. Печенкин В. *Не надо лишних вопросов. Власти Коми оградил себя от оппозиционных изданий* / Новые известия. — 2006. — 6 апреля.

Наиболее широкое распространение подобная практика получила в 2005–2006 годах. За этот период были исключены из подписных каталогов “Брестский курьер”, “Витебский курьер”, “Згода”, “Товарищ”, “Газета Слонимская”, “Рэгіянальная газета” (Молодечно), “Belarus today”, “Борисовские новости”, “Вольнае Глыбокае”, “Оска-экспресс” (Слуцк), “Газета для Вас” (Ивацевичи), “Intex-press” (Барановичи), “Мясцовы час” (Пинск). Типичной причиной здесь выдвигалось утверждение о том, что “периодическое издание пользовалось пониженным спросом у населения”⁶.

В России также допускаются случаи отказа доставлять подписчикам оппозиционные газеты. В апреле 2003 года, в канун кампании по выборам президента Карачаево-Черкесской Республики руководство управления почтовой связи КЧР отказалось распространять газеты “Джамагат” (на карачаевском языке), “Возрождение республики” и “Черкесск”. Как отмечало информационное агентство Regnum, “никто не скрывает, что главе республиканских почтовиков такое распоряжение поступило сверху”. Эта история окончилась тем, что 7 мая того же года антимонопольное управление КЧР вынесло решение в пользу изданий, а в случае отказа почтовиков распространять газеты их ожидал штраф от 200 до 500 тысяч рублей⁷.

Схожей формой цензуры на практике следует признать отказ печатать оппозиционные СМИ в государственных типографиях. И здесь Белоруссия, а также Таджикистан и Казахстан, дают наибольшее число негативных примеров [15, 166]. Крупнейшие из типографий Белоруссии находятся в подчинении Министерства информации. Первой в результате отказа печатать пострадала “Белорусская деловая газета”, выход которой в 2003 году был приостановлен Министерством информации на 3 месяца. В рамках этой кампании типография “Красная звезда” в одностороннем порядке расторгла договор с газетой. Так же типография поступила и с другими негосударственными газетами, поддержавшими “БДГ”. В течение последующих лет давление властей на рынок информации только усиливалось. И хотя в это же время минская типография преобразовалась в акционерное общество, ее по-

литика в отношении неугодных властям частных изданий не изменилась. В октябре 2005 года “Красная звезда” также в одностороннем порядке отказалась печатать газету “Народная воля”. В этих условиях продолжающие бороться за выживание газеты вынуждены печататься за пределами страны – в Литве или на Смоленском полиграфическом комбинате в России⁸. Но и здесь возникают трудности – теперь уже с ввозом в Белоруссию отпечатанных тиражей, а накануне президентских выборов в марте 2006 года от договоров печатать эти издания отказалась и типография в Смоленске.

В Таджикистане основная типография (издательства “Шарки озоd”) подконтрольна Исполнительному аппарату Президента страны. Руководство этого издательства не раз отказывало в печатании неугодных властям изданий. Так, 23 августа 2004 года главный редактор еженедельника “Наджот” (орган Партии исламского возрождения Таджикистана) А. Давлатов обратился к директору издательства “Шарки озоd” М. Додохоннову с письменной просьбой о предоставлении газете типографских услуг. Однако последний, не объясняя причин, заявил, что издательство не имеет возможности печатать “Наджот”. Главный редактор заявил, что он будет вынужден жаловаться в аппарат Президента. На что директор ответил: “Ваше право, вы можете жаловаться куда вам захочется, но мы вашу газету печатать не будем”. Наряду с этим оказывается негласное давление на руководителей частных типографий, с тем чтобы воспрепятствовать изданию независимых и оппозиционных партийных газет – “Не-руи Сухан”, “Рузи нав”, “Одаму олам” и “Адолат”. Руководители типографий под различными предлогами отказываются печатать негосударственные издания, так как боятся потерять свой бизнес, ведь власть имеет возможность воздействовать на них через фискальные и другие контролирующие органы. По утверждению главного редактора Д. Атовуллоева издающейся в России опальной газеты “Чароги руз”, власти Таджикистана препятствуют в ее распространении не только на территории Таджикистана, но и среди таджикской диаспоры в Москве⁹.

Наконец, нельзя не отметить факты замены ретранслируемых из России или из заграницы

⁶ Комсомольская правда – Минск. – 2005. – 9 декабря. См. тж. Media Sustainability Index 2004. The Development of Sustainable Independent Media in Europe and Eurasia. – Washington, 2005. – P. 168.

⁷ Дайджест Фонда защиты гласности, № 135 (26 мая 2003г.)

⁸ Клишевич Тихон. Ужасный год для независимых СМИ (2005). Статья размещена в Интернете на сайте радиостанции “Немецкая волна” по адресу: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,2144,1839393,00.html>.

⁹ См. Отчет Национальной ассоциации независимых СМИ Таджикистана “Свобода слова в Таджикистане (1999-2004 гг.)”.

политических программ телевидения. Типичным для ретрансляторов в Средней Азии является замена в сетке вещания информационной программы “Время”, а также некоторых сериалов и документальных фильмов (тематически связанных со странами региона) на местные развлекательные передачи. Вопиющим случаем следует признать практику оператора эфирно-кабельного телевидения “Космос-ТВ” в Белоруссии заменять мультфильмами те передачи международного русскоязычного канала RTVi, которые посвящены положению в этой стране. А с середины марта 2006 года на весь период президентской кампании канал был вообще недоступен белорусским телезрителям.

3. *Ограничения в предоставлении информации и рекламы неудобным СМИ.* В Белоруссии в 1996 году было объявлено, что журналистам независимых газет доступ на заседания белорусского парламента закрыт. Через два года был введен негласный запрет Совета Министров должностным лицам органов власти предоставлять информацию не принадлежащим государству СМИ¹⁰.

В декабре 1993 года лишил аккредитации корреспондентов трех оппозиционных изданий и агентства новостей МИД Армении, ссылаясь на нарушение ими журналистской этики [2, 77].

Аналогичные случаи происходили и в России. Например, в Туле права присутствовать на еженедельных планерках городской администрации лишились журналисты всех изданий кроме муниципальной газеты “Тула” [10, 85].

Подобная практика распространена в Казахстане, да и других странах СНГ¹¹. В некоторых из них наблюдается давление органов государственной власти на рекламодателей с тем, чтобы они не предоставляли рекламу в неудобные СМИ. Рекламодатели, понимая, что сами зависят от чиновников, вынуждены подчиниться, в результате чего многие издания (например, в Азербайджане), лишившись средств от рекламы, закрываются или, не выдержав экономических трудностей, следуют политике соглашательства с властями¹². Здесь же следует упомянуть практику размещения рекламы государственных компаний исключительно в лояльных СМИ.

4. *Злоупотребление государственными субсидиями и монопольными услугами.* Речь идет о практике финансирования государственных и общественных телерадиокомпаний в узких политических целях, когда деньги налогоплательщиков и общественные блага ставятся на службу групповым и частным интересам.

5. *Злоупотребление регулируемыми и контрольными функциями.* Здесь речь идет о действиях, направленных против свободы слова, но прикрываемых правовыми или рыночными механизмами. В качестве примера можно привести манипулирование конкурсами на лицензирование вещателей с тем, чтобы поддержать политических сторонников и лишить эфира оппозицию и независимые СМИ (подробнее см. параграф П.4); проведение налоговых, трудовых и иных инспекций по избирательному принципу, когда наказания достаиваются только те, на кого нужно оказать политический нажим. Причем в этих случаях жертвами санкций могут становиться не только непосредственно медиа-компании, но и другие сферы бизнеса, в которые вовлечены владельцы критически настроенных СМИ.

Уникальная ситуация сложилась в Таджикистане. После принятия в июле 2004 года нового закона “О государственной регистрации юридических лиц” возникла путаница в вопросах регистрации СМИ, так как этими полномочиями стали обладать и органы Минкультуры, и органы Минюста. На практике, Минюст не стал выдавать регистрационные свидетельства, а Минкульт приостановил эту практику. Несколько десятков заявителей на выпуск газет не могли получить разрешений, необходимых для их выхода в свет. С каждым годом ужесточается практика регистрации негосударственных изданий в Белоруссии, все чаще государство приостанавливает их деятельность [15, 162]. Чтобы приступить к работе, СМИ должны получить согласие от местных властей на создание редакции по указанному адресу. В регистрации могут отказать по самым разным и откровенно мелким причинам — например, в случае, когда у учредителя нет диплома о журналистском образовании (в Гродно в 2002 году власти города отказались утвердить заявку на регистрацию газеты “Разам!”, поскольку она поступила от сту-

¹⁰ См.: Пресса под прессом политики. Свобода СМИ: ситуация в Беларуси, Молдове и Украине. Артикаль 19. Лондон, 2003. С. 49, 68, 102. См. тж. Вероника Лабкович. Монополия на информацию (2006). Статья размещена в Интернете по адресу: <http://www.euramost.org/?artc=5634>.

¹¹ Однако на Украине солидарность журналистов с газетами, лишившимися права присутствовать на заседаниях мэрии г. Сумы, привела в 2004 году к отмене дискриминационного запрета. См. Media Sustainability Index 2004. The Development of Sustainable Independent Media in Europe and Eurasia. — Washington, 2005. — P. 207.

¹² Информационное агентство Туран (Баку), сообщение от 19.07.05.

дента)¹³ или на том основании, что редактор привлекался к административной ответственности (как произошло с отказом в регистрации минской газеты “Наша нива”)¹⁴. В мае 2005 года все негосударственные издания, в названии которых были слова “белорусский” или “национальный”, были вынуждены пройти перерегистрацию.

В Казахстане 6 июня 2005 года пять юридических лиц подали в Комитет информации и архивов заявления о регистрации новых изданий — газет “Деловое обозрение. Республика”, “Наша Республика. Обзор событий недели”, “Республика — факты, события, люди. Калейдоскоп недели”, “Республиканские новости. Деловое обозрение”, “Республика — наш мир. Аналитический еженедельник”. Не получив в установленный законом срок никакого ответа, претенденты на издания новых СМИ подали в суд иски о признании незаконным бездействия Комитета информации и архивов Министерства культуры, информации и спорта (МКИС) в отношении заявлений о постановке на учет (регистрации). На состоявшемся спустя несколько месяцев заседании суда представитель Комитета предъявил свидетельства о постановке на учет пяти СМИ с теми же, достаточно сложными названиями, выданные некоему физическому лицу накануне получения заявок от истцов, а именно 25 мая 2005 года¹⁵.

В ряде постсоветских государств, прежде всего среднеазиатских, действует лицензирование издательской деятельности, ограничивающее выход на рынок услуг печатным СМИ независимых компаний. В Армении с 15 декабря 2005 года вступил в силу закон “О почтовой связи”, требующий от лиц, занимающихся распространением печатной продукции, получения лицензии и ежегодного взноса в бюджет страны 5 млн драмов (более 11 тыс. долл. США). Лицензирование, а также контроль деятельности предприятий-распространителей печати производит “АйПост” (Армянская почта), которая сама осуществляет данную деятельность¹⁶.

Что касается контрольных функций, то, по мнению исследователей, наиболее действенным

способом “укрощения строптивых” являются проверки налоговых органов. На Украине в 1999—2000 гг. была проверена деятельность 843 предприятий СМИ и в 706 случаях были найдены нарушения [5, 22-23].

6. *Злоупотребление законами о диффамации.* Его основой является существенная зависимость судов от исполнительной власти и их коррумпированность. Как следствие, не составляет большого труда добиться обвинительных решений против неугодных журналистов или редакторов. В зависимости от законодательства конкретной страны наиболее эффективными могут быть уголовные наказания либо штрафы, возмещение ущерба.

7. *“Внутренняя цензура”*, при которой редакторы или владельцы СМИ под давлением государства препятствуют публикации или передаче сообщений, подготовленных журналистами. В качестве одного из примеров актов внутренней цензуры можно привести события, развивавшиеся вокруг аналитической программы “Намедни” российского канала НТВ. 30 мая 2004 года в указанной программе по решению исполняющего обязанности гендиректора телеканала Александра Герасимова был снят с эфира сюжет “Выйти замуж за Зелимхана”. Это был рассказ об обстоятельствах процесса над сотрудниками спецслужб России, которых правоохранительные органы Государства Катар подозревали в убийстве одного из лидеров чеченских сепаратистов — Зелимхана Яндарбиева. Сюжет уже прошел на Дальний Восток, но Герасимов в категоричной форме запретил его показ на европейской части территории России. По словам ведущего программы Леонида Парфенова, запрет был обусловлен просьбами представителей российских спецслужб. Журналист потребовал издать письменное распоряжение о снятии с эфира материала. Распоряжение было издано, а затем, по инициативе журналиста, опубликовано в газете “Коммерсант”¹⁷. Публикация документа сопровождалась интервью, в котором журналист рассказывал о своем мнении по отношению к сложившейся ситуации. Ситуация получила свое разрешение 1 июня 2004 года, когда руководством

¹³ См.: Пресса под прессом политики. Свобода СМИ: ситуация в Беларуси, Молдове и Украине. — Арктикль 19. — Лондон, 2003. — С. 49, 102. См. тж. Лабкович Вероника. Монополия на информацию (2006). Статья размещена в Интернете по адресу: <http://www.euramost.org/?artc=5634>.

¹⁴ Авимова Ксения. *Под угрозой закрытия* / газета “Белорусский Рынок” (Минск), 24 апреля 2006 г.

¹⁵ Калеева Т. *Ситуация со свободой слова в Казахстане в 2005 году. Аналитический доклад.* Источник: <http://www.adilsoz.kz/site.php?lan=russian&id=492>.

¹⁶ *Еженедельный бюллетень Ереванского пресс-клуба, 2-8 июня 2006г.*

¹⁷ Текст распоряжения, а также подробное описание сложившейся ситуации доступны в сети Интернет по адресу: <http://www.newsru.com/russia/31may2004/zelim.html#2>.

НТВ было принято решение о закрытии программы “Намедни” и увольнении Л. Парфенова с канала.

8. *Внеправовое давление* – наиболее уродливая форма “мягкой цензуры”. К нему относятся действия влиятельных чиновников и политиков, использующих откровенно противозаконные методы: давление на частный бизнес с тем, чтобы рекламные потоки шли в нужном направлении; прямое вмешательство в редакционную политику или содержание отдельных публикаций (передач) посредством так называемой “телефонной цензуры” или подкупа журналистов, редакторов; применение физического насилия или угроз насилия в отношении журналистов, изъятие тиражей. Так, в отчете представителя ОБСЕ по свободе прессы Миклоша Харашти о состоянии свободы массовой информации в Азербайджане, распространенного в июле 2005 года, приводятся многочисленные примеры насилия над журналистами. Вопиющим ударом по свободе массовой информации в нем признано убийство журналиста Эльмара Гусейнова в 2004 году, связанное с его профессиональной деятельностью и имеющее политические предпосылки. В части отчета, посвященной применению силы против журналистов, говорится: “После октябрьских демонстраций 2003 года 70 журналистов обратились в Совет прессы¹⁸ по причине того, что подверглись грубому отношению со стороны чиновников... Ни один сотрудник полиции не был привлечен к ответственности”.

В мае 2005 года, несмотря на то, что освещавший митинг оппозиции в Баку журналист Фарид Теймуханлы был одет в специальный жилет с надписью “PRESS” (который выдается Советом по прессе), он был жестоко избит сотрудниками правоохранительных органов. В этом случае впервые был уволен с работы сотрудник полиции, несший ответственность за это происшествие¹⁹. Там же, как отмечал бакинский Институт прав медиа, зафиксированы факты физического давления на частных распространителей прессы.

Например, указывается, что в мае 2003 года “специальные отряды”, по указанию высокопоставленных госчиновников, нападали на уличных распространителей газет, избивали их, изымали и уничтожали оппозиционные издания²⁰.

Если в 2004 году казахстанский правозащитный фонд “Адил соз” отметил 3 факта изъятия газет у распространителей, то в 2005 году это нарушение приобрело массовый характер – зафиксировано 69 случаев, все – оппозиционных изданий и все – в предвыборный период²¹. Факты конфискации тиражей под предлогом проверки накладных были зарегистрированы и в Белоруссии накануне президентских выборов 2006 года.

Говоря о многочисленных случаях физического насилия над журналистами, нельзя не принимать во внимание то, что важной причиной сложившейся ситуации является общая криминальная обстановка на постсоветском пространстве, низкая “цена” человеческой жизни и безопасности. Сегодня с таким мнением соглашаются даже лидеры журналистских ассоциаций.

Мы считаем, что результатом всех этих видов “мягкой цензуры” стало широко распространенное в большинстве постсоветских государств явление “самоцензуры” журналистов. Под ней мы понимаем внутренние ограничения, устанавливаемые самими журналистами при определении того, насколько свободно они могут реализовать свою свободу слова в освещении политических и иных событий.

Факт существования самоцензуры является уже общепризнанным, налицо и последствия этого сложившегося явления в постсоветской журналистике²². По утверждению нью-йоркского Комитета защиты журналистов, на Украине “частные производители телевизионной продукции вынуждены прибегать к самоцензуре в случаях, когда речь идет об острых политических вопросах, если они хотят, чтобы их программы транслировались общенациональными каналами”²³. Руководитель свердловского областного Союза журналистов Дмитрий Полянин считает,

¹⁸ Совет прессы – орган саморегулирования журналистов в стране.

¹⁹ Источник: Центр экстремальной журналистики Союза журналистов России, сообщение от 27 июля 2005 г.

²⁰ Источник: <http://baku.vlasti.net/?Screen=news&id=15772@ion=baku>.

²¹ Калеева Т. Ситуация со свободой слова в Казахстане в 2005 году. Аналитический доклад // Источник: <http://www.adilsoz.kz/site.php?lan=russian&id=492>.

²² См., напр., Азимов Орифджон. Аналитический отчет по результатам мониторинга состояния свободы слова за 2005 год / “СМИ и право” (Душанбе). № 1(13), май, 2006. Следует отметить, что корни этого явления уходят в середину 1990-х годов, когда оно складывалось еще под давлением частных владельцев СМИ. По мнению исследователей, журналисты шли на самоцензуру, “дабы только не обидеть не только своих, но и чужих олигархов”. (См. Качкаева А. Г. Российские средства массовой информации, власть и капитал (к вопросу о концентрации СМИ в России) // Правовое регулирование концентрации и прозрачности СМИ / Под ред. Г. В. Винокурова, А. Г. Рихтера, В. В. Чернышова. – М., 2000. – С. 63.)

что результатом давления на журналистов и появившейся в результате этого самоцензуры стало то, что “большинство СМИ не трогают “острые” темы, стало меньше журналистских расследований”²⁴. Уходя от обсуждения наиболее острых политических тем, журналисты и редакторы все больше ориентируются на коммерчески привлекательную продукцию — материалы развлекательного, в том числе эротического содержания, сообщения и аудиовизуальную продукцию, как правило, насыщенные сценами насилия и жестокости²⁵.

В свою очередь, данная продукция СМИ приводит к тому, что в обществе распространяется недовольство самим институтом свободы массовой информации. К примеру, в соответствии с опубликованными в июне 2005 года данными Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) более 80 процентов граждан России считают необходимым ввести цензуру на телевидении. При этом основными источниками недовольства для россиян являются именно программы, пропагандирующие насилие и жестокость, а также реклама²⁶.

Анализ складывающихся отношений позволяет нам сделать важный для понимания процессов постсоветской журналистики вывод, что в сфере массовой информации возникает “круговоротная реакция”. Она заключается в следующем: под давлением государства журналисты уходят от освещения острых политических тем и обращаются к легким низкопробным жанрам, “бульварный” характер материалов СМИ вызывает раздражение общества в отношении современной журналистики, что, в свою очередь, позволяет органам власти, не опасаясь общественного протеста, ещё больше усиливать давление на журналистов и свободу массовой информации.

Права журналистов. Журналист является главным субъектом свободы массовой информации²⁷. В этой связи необходимо исследовать, ка-

кой объем прав гарантируется журналистам на постсоветском пространстве в законодательстве и насколько он реализуется на практике.

Западные исследователи постсоветской журналистики и ее правового регулирования указывают на необычайно широкий (“большой, чем обычно в западной практике”) пакет профессиональных прав журналистов и высокий уровень редакционной независимости, который предоставляет законодательство о СМИ России и других стран “переходного периода”. “В Соединенных Штатах, как и во многих других национальных системах, не существует гарантии “независимости” редактора от издателя, сколь желанной ни кажется эта цель”, — пишет американский исследователь Монро Прайс [8, 127].

Действительно, как союзный закон “О печати...”, так и законы о СМИ, принятые в постсоветских государствах, включают определенный набор прав журналиста, обычно объединенных в одной из статей. Исходя из целей настоящего исследования, представляется возможным распределить эти права по критерию их содержания на две группы: 1) права, связанные с поиском, получением и распространением информации; 2) внутриредакционные права журналистов.

В первой группе прав мы выделяем право не столько искать, получать и распространять информацию (так или иначе, присущее каждому по конституции), сколько специфическое для работы редакции и журналиста право *запрашивать* информацию. Именно в силу этого права практически повсеместно на постсоветском пространстве журналист, выполняя общественный долг, обрел возможность получения информации из государственных и общественных источников, даже если эта информация не затрагивает его прав и законных интересов. Это происходило и происходит уже в силу профессионального статуса журналиста, который использует прописанную

²³ Законодательный бюллетень для средств массовой информации (Киев). — 1998. — № 4. — С.23. См. тж. *Политическая цензура в Украине, по мнению журналистов, существует*. Украинский медиа-бюллетень (Киев). — 1997. — № 3. С. 9-11.

²⁴ Сообщение Центра экстремальной журналистики Союза журналистов России от 27.02.2006 г.

²⁵ Наблюдатели отмечают сокращение программ новостей и общественно-политических передач на телевидении в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Узбекистане и др. странах. См.: Media Sustainability Index 2004. The Development of Sustainable Independent Media in Europe and Eurasia. — Washington, 2005. — P. 228, 242, 256, 270.

²⁶ Данные исследования размещены на сайте ВЦИОМ в сети Интернет по адресу: <http://www.wciom.ru/?pt=45&article=1376>.

²⁷ Под журналистом право понимает лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию (ст. 2 Закона РФ “О СМИ”). Схожие определения мы находим в Законе Азербайджана “О СМИ” (ст. 49), Законе “О массовой информации” Армении (ст. 3) и т. д.

в тех же законах процедуру и не обязан обосновывать необходимости в получении информации. Хотя на сегодняшний день специальная процедура ответа на запрос редакции сформулирована в законах о СМИ лишь четырех государств на постсоветском пространстве – Азербайджана, Белоруссии, Казахстана и России²⁸, указанное право запрашивать информацию представляется краеугольным во всей группе прав, связанных с поиском и получением информации. Формами реализации права на запрос информации являются, на наш взгляд, право получать доступ к документам и материалам, а также право копировать, публиковать либо воспроизводить иным способом документы и материалы и право делать записи, в том числе с использованием средств аудиовизуальной техники, кино- и фотосъемок, при ее информации. Эти права, разумеется, реализуются с исключениями, предусмотренными законом и касающимися необходимости сохранять государственную, коммерческую либо иную специально охраняемую законом тайну и т. п.

К этой же группе относятся так или иначе сформулированные в законах разных стран права журналиста присутствовать на митингах, демонстрациях, посещать запретные для посторонних зоны чрезвычайного положения, стихийных бедствий и катастроф, места других общественно важных событий и передавать оттуда информацию.

К правам второй группы следует отнести, прежде всего, право на внутриредакционную профессиональную независимость журналиста. По нашему мнению, оно определяется как право отказаться от подготовки и опубликования материала, если он противоречит его убеждениям; право высказывать свои личные мнения и оценки в сообщениях и материалах, предназначенных для распространения за его подписью, и право снять свою подпись под материалом либо сам материал, содержание которого, по его мнению, было искажено в процессе редакционной подготовки. Законы некоторых стран (Киргизии, Узбекистана) указывают на такое право журналистов, как отказаться от данного ему редакцией задания, если оно связано с нарушением закона (законы других стран рассматривают это как обязанность журналиста) или даже этических норм (как в Литве).

К этой же группе, по нашему мнению, относится право журналиста на сохранение в тайне авторства сообщения СМИ и источников инфор-

мации, соблюдения которого его обладатель ожидает, прежде всего, от редакции.

Определенную уникальность представляет собой право журналиста – штатного сотрудника редакции принимать участие в обсуждении и принятии устава СМИ – основного документа, определяющего отношения внутри редакции, отношения редакции и учредителей, а также такие вопросы, как права на наименование СМИ. Участие работника в принятии устава организации, в которой он трудится, будь то частной или государственной, представляет собой исключительную практику. Законодательство о СМИ некоторых постсоветских государств закрепило такое право журналистов по причине общественной важности гарантировать их профессиональную независимость, как от учредителя (владельца), так и от главного редактора. Устав редакции в силу повсеместного отсутствия коллективных договоров между журналистами и владельцами СМИ стал тем барьером, который в состоянии сдерживать, если не предотвращать, давление последних на редакционную независимость. Об этом, в частности, говорит редакция 2006 года Закона Украины “О телевидении и радиовещании”, которой вводится запрет собственнику телерадиоорганизации вмешиваться в ее творческую деятельность иным способом, чем через внесение изменений в редакционный устав (п. 3 ст.57). В силу этих обстоятельств указанное право представляется нам важнейшим среди внутриредакционных прав журналиста.

Ответственность за нарушение прав журналиста. Воспрепятствование осуществлению законных прав журналиста представляет собой уголовное преступление в ряде стран бывшего СССР. Диспозиция статей уголовных кодексов некоторых государств была скопирована с Модельного уголовного кодекса СНГ – рекомендательного законодательного акта, принятого Межпарламентской Ассамблеей государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 года. В статье 166 этого акта говорится, что под этим понимается воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной профессиональной деятельности журналиста, а равно принуждение его к распространению либо отказу от распространения информации, соединенное с угрозой насилием, уничтожением или повреждением имущества, распространением клеветнических измышлений или оглашением иных сведений, которые потерпевший желает сохранить в тайне, а равно путем угрозы ущемлением прав и законных интересов журналиста. Это подтверждают статья 198 УК Белоруссии и статья 162 УК Таджикистана.

Принятый позже модельного закона Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. (ст. 144) гово-

²⁸ Подробнее см. Рихтер А. Г. Содействие доступу журналистов к информации в России и других странах бывшего СССР. – Вестник ВГУ. – 2006.

рит об ответственности за “воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо к отказу от распространения информации”. Мы видим, что под воспрепятствованием деятельности журналиста понимается здесь более узкая диспозиция преступления. Это определение было без изменений скопировано в принятых позднее уголовных кодексах Грузии (ст. 154), Казахстана (ст. 155), Киргизии (ст. 151). Уголовные кодексы Туркменистана и Узбекистана не обнаруживают состава такого преступления вовсе.

Вне зависимости от того, насколько широко определено нарушение прав журналистов, практика наказания за это преступление чрезвычайно ограничена на постсоветском пространстве. Это происходит на фоне международного осуждения практически всех стран СНГ за факты принуждения и насилия в отношении журналистов в связи с выполнением ими своего профессионального долга. Речь идет о разнообразных докладах Парламентской Ассамблеи Совета Европы, Специального представителя ОБСЕ по вопросам свободы печати, а также правозащитных организаций, таких как “Репортеры без границ” (Париж), “Статья 19” (Лондон), Комитет защиты журналистов (Нью-Йорк).

О соотношении числа преступлений против журналистов и числа наказаний виновных лучше других говорит практика в Казахстане. В 2005 году мониторинг правозащитного фонда “Адил соз” зафиксировал 53 случая воспрепятствования законной профессиональной деятельности. Фактически их гораздо больше, но журналисты чаще всего не предпринимают правовых действий в свою защиту. Это объясняется нежеланием тратить силы и время на выполнение многочисленных процедурных формальностей, а также неверием в эффективность правосудия. За все годы действия Уголовного кодекса 1997 года фондом “Адил соз” зафиксированы единичные случаи обращения журналистов в суд за защитой своих профессиональных прав, и только однажды журналисту удалось добиться победы. В ноябре 2005 года судья Уральского городского суда вынесла приговор по жалобе корреспондента городского радио Мухамбета Утиева о воспрепятствовании профессиональной деятельности журналиста к руководителю штаба кандидата в президенты Жармахана Туякбая по Западно-Казахстанской области Василию Шамину. Поводом для иска послужили события, произошедшие на встрече Ж. Туякбая с жителями г. Уральска. Во время выступления Ж. Туякбая М. Утиев подошел к трибуне и, используя мегафон, попытался задать вопрос. В. Шамин приказал охранникам навести порядок, те вывели Утиева с площадки и забрали у него мегафон. Утиев указал в жалобе, что Шамин

воспрепятствовал его профессиональной деятельности и назвал его провокатором. Суд обязал Василия Шамина выплатить сто тысяч тенге в качестве штрафа²⁹.

В России, по сведениям Главного информационного центра МВД РФ, в 1998 году по статье 144 зарегистрировано 12 преступлений, в 1999 и 2000 годах — всего по четыре преступления. В июне 2006 года в Северной Осетии был осужден по ст. 144 в совокупности со статьей 286 (превышение должностных обязанностей) милиционер Г. Тотоев, обвиненный в нанесении телесных повреждений журналистке Первого канала Ольге Кирий. Он приговорен к лишению свободы на три с половиной года за то, что после взрыва возле зала игровых автоматов во Владикавказе не дал журналистке совершить съемку в здании больницы и избил ее³⁰.

Выводы. Мы считаем доказанным, что на постсоветском пространстве запрет государственной цензуры по-прежнему выступает основным элементом защиты прав журналистов. Запрет цензуры стал нормой конституций и (или) законов о СМИ всех исследуемых государств. Он соответствует международным обязательствам этих стран как членов ООН и ОБСЕ. На практике, однако, всё это не препятствует органам государственной власти Туркменистана, а ранее — Азербайджана и Узбекистана, применять цензурные функции в отношении СМИ и журналистов. Даже при отсутствии органов цензуры в некоторых странах журналистам запрещено упоминать и обсуждать те или иные политические и социальные явления. Следует упомянуть в данном контексте существующий на Украине и в России судебный запрет на распространение информации, которая считается клеветнической, а также законодательную возможность ограничения свободы массовой информации в условиях военного и чрезвычайного положения.

Нами выявлены и определены восемь видов “мягкой цензуры”, существующей в журналистике постсоветских стран: неформальное распространение рекомендаций редакциям СМИ государственными органами, отказ государственных или контролируемых государством организаций инфраструктуры СМИ в предоставлении услуг независимым или оппозиционным редакциям, ограничения в предоставлении информации и рекламы неудобным СМИ, злоупотребление го-

²⁹ Калеева Т. Ситуация со свободой слова в Казахстане в 2005 году. Аналитический доклад // Источник: <http://www.adilsoz.kz/site.php?lan=russian&id=492>.

³⁰ Сообщение эксперта Центра экстремальной журналистики (Москва) от 23.06.2006 г. (www.cjes.ru).

сударственными субсидиями и монопольными услугами, злоупотребление регулирующими и контрольными функциями, злоупотребление законами о диффамации, “внутренняя цензура” и внеправовое давление на журналистов.

Результатом всех этих форм “мягкой цензуры” является “самоцензура” журналистов, а именно внутренние ограничения, устанавливаемые самими журналистами при определении того, насколько свободно они могут реализовать свою свободу слова в освещении политических и иных событий.

Анализ складывающихся отношений позволяет нам считать доказанным, что в сфере массовой информации возникает “круговоротная реакция”: под давлением государства журналисты обращаются к низкопробным жанрам, “бульварный” характер материалов СМИ вызывает раздражение общества в отношении журналистики, что, в свою очередь, позволяет органам власти, не опасаясь общественного возмущения, ещё больше усиливать давление на журналистов и свободу массовой информации.

В последние годы отмечается важная положительная тенденция. Ее содержание заключается в том, что высшие суды ряда постсоветских государств приняли постановления, разъясняющие законодателям и правоприменителям необходимость учитывать в своей работе необходимость соблюдения принципа свободы массовой информации.

Считая, что журналист является главным субъектом свободы массовой информации, мы исследовали объем прав, гарантируемый журналистам на постсоветском пространстве в законодательстве, и насколько он реализуется на практике. Нами определены две группы таких прав: 1) права, связанные с поиском, получением и распространением информации; и 2) внутриредакционные права журналистов. Обоснован вывод о преждевременности изъятия положений о правах журналиста и редакционном уставе СМИ из Законов о СМИ стран переходного периода.

Представлены доказательства того, что имеющиеся в уголовном законодательстве стран бывшего СССР нормы об ответственности за воспрепятствование осуществлению законных прав журналиста на практике применяются крайне редко, особенно в контексте многочисленных жалоб и протестов в связи с практически повсеместными нарушениями этих прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Орифджон. Аналитический отчет по результатам мониторинга состояния свободы слова за 2005 год / Орифджон Азимов //

СМИ и право. — Душанбе. — 2006. - № 1(13).

2. Асриян Ованес. Армения: возвращение к тоталитаризму? / Ованес Асриян // Судьи и журналисты в странах Восточной Европы в период перехода к демократии. — СПб., 2000. — 261 с.

3. Засурский И. И. СМИ России в условиях глобальных процессов трансформации: Формирование новой системы средств информации и их роль в политической жизни страны. 1990-1998 гг.: Дис. ...канд. филол. наук / И. И. Засурский. — М., 1998.

4. Засурский Я. Н. Искушение свободой / Я. Н. Засурский. — М., 2004. — 457 с.

5. Иванов В. Теория и практика права масс-медиа в Украине / В. Иванов // Сборник аналитических докладов по современному состоянию законодательства о СМИ в странах СНГ и Прибалтики. — М., 2004. — С. 7-41.

6. Информационное общество: информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность / Под ред. М. А. Вуса. — СПб., 1999. — 212 с.

7. Качкаева А. Г. Российские средства массовой информации, власть и капитал (к вопросу о концентрации СМИ в России) / А. Г. Качкаева // Правовое регулирование концентрации и прозрачности СМИ / Под ред. Г. В. Винокурова, А. Г. Рихтера, В. В. Чернышова. — М., 2000. — С. 30-100.

8. Прайс Монро. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность / Монро Прайс. — М., 2000. — 335 с.

9. Пресса под прессом политики. Свобода СМИ: ситуация в Беларуси, Молдове и Украине. — Статья 19. — Лондон, 2003. — 112 с.

10. СМИ в информационном взаимодействии власти и общества. Материалы всероссийской конференции. — М., 2005. — 272 с.

11. Третьяков В. Т. Как стать знаменитым журналистом / В. Т. Третьяков. — М., 2004. — 623 с.

12. Шевченко Т. Новые средства судебной защиты в делах против СМИ и журналистов в Украине / Т. Шевченко // Сборник аналитических докладов по современному состоянию законодательства о СМИ в странах СНГ и Прибалтики. — М., 2004. — С. 119-129.

13. Політична цензура в Україні: етапи, впровадження, механізми здійснення. Центр Разумкова / Національна безпека і оборона. — 2002. - № 11.

14. Свобода слова в Україні: стан, проблеми, перспективи. — Київ: Парламентське видавництво, 1997. — 136 с.

15. Media Sustainability Index 2004. The Development of Sustainable Independent Media in Europe and Eurasia. — Washington, 2005. — 275 pp.

Рецензент — В. В. Тулунов.

Статья принята к печати 16.10.2006.